

УДК 82.09
ББК 83.3(0)

ОТЧЕТ О НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«“ВЕЧНЫЕ” СЮЖЕТЫ И ОБРАЗЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ РУССКОГО
МОДЕРНИЗМА: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ПРОЕКТА РНФ» (16–17 НОЯБРЯ 2016 Г.,
ИМЛИ РАН)

© 2017 г. С.А. Серегина

*Институт мировой литературы
им. А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия*

Дата поступления статьи: 15 июня 2017 г.

Дата публикации: 25 сентября 2017 г.

DOI: 10.22455/2500-4247-2017-2-3-382-390

Информация об авторе: Светлана Андреевна Серегина — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 Москва, Россия.

E-mail: serjogina@mail.ru

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

CONFERENCE “‘ETERNAL’ PLOTS AND IMAGES IN LITERATURE AND ART OF RUSSIAN MODERNISM (NOVEMBER 16–17, IWL RAS)

© 2017. S.A. Serjogina

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Received: June 15, 2017

Date of publication: September 25, 2017

Information about the author: Svetlana A. Serjogina, PhD in Philology, Senior Researcher, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, Moscow, Russia.

E-mail: serjogina@mail.ru

16–17 ноября 2016 г. в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН прошла научная конференция «“Вечные” сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма: Итоги и перспективы проекта РНФ», обозначившая итоги трехлетней работы над проектом, поддержанным грантом Российского научного фонда № 14–18–02709 (руководитель — член-корреспондент РАН А.Л. Топорков). В состав коллектива входят известные ученые ИМЛИ РАН, а также молодые исследователи и аспиранты. Содержательное поле проекта определяла гипотеза о том, что русская культура эпохи войн и революций, социальных и политических катаклизмов сумела творчески воспринять и переработать «вечные» образы мировой цивилизации и выработать в результате новый художественный язык XX в.

Конференцию открыл доклад директора ИМЛИ РАН, проф. РАН, д.ф.н. В.В. Полонского «Мистерия, трагедия и мифологическая сюжетика в жанрово-эстетических ориентирах русских модернистов». В.В. Полонский обратился к проблематике, фундировавшей эстетическое поле как европейского, так и русского модернизма: экспериментальному поиску новых драматургических форм, размышлению о генезисе трагедии, созданию новых культурных кодов, направленных на тотальную театрализацию семиотического пространства. В центре доклада были «мистерии» в России рубежа веков: «русалии» А.М. Ремизова с их акцентированным музыкальным началом в синтетическом целом, лирические неомифологические драмы символистов, теоретический поиск и драматургический опыт Вяч. Иванова («Прометей» с его «выходом из жанра трагедии в синкретику мелопеи») и А. Белого, искавшего мистериального преображения мира.

В докладе д.ф.н. М.Л. Спивак «Андрей Белый и мифотворчество кружка аргонавтов: образы и их источники» рассматривались произведения Андрея Белого начала 1900-х гг., ставшие программными для возникшего в 1903 г. кружка аргонавтов (стихотворение «Золотое Руно», статья «Символизм как миропонимание», прозаический отрывок «Аргонавты» и др.). В этих произведениях был существенно переосмыслен древнегреческий миф о путешествии героев за золотым руном. Поэт-символист заменил традиционное золотое руно (шкуру барана) на солнце (символ недостижимого идеала). Таким образом, аргонавты-символисты интерпретировали миф об Язоне и его спутниках как солярный миф, их путешествие за золотым руном оказалось не плаванием, но полетом, а корабль «Арго» превратился в крылатый летательный аппарат. В докладе было показано, что источниками образности и трансформации мифа стали произведения Ф. Ницше, прежде всего книга «Веселая наука», переведенная на русский язык в 1902 г. Автобиографические материалы Белого засвидетельствовали, что писатель открыл для себя Ницше в 1899 г. и активно читал его в 1900–1902 гг.

К.ф.н. Е.В. Глухова предприняла попытку систематизировать визуальное наследие Андрея Белого в связи с антропософией Р. Штайнера. В докладе «Антропософская символика в творчестве Андрея Белого: геометрия и система образов» было предложено описание рисунков Белого с точки зрения двух основных визуальных подсистем, условно обозначенных как «телесность» и «геометричность». Геометрическая образность, по мнению исследовательницы, представлена, с одной стороны, поясняющими рисунками-схемами с элементами треугольников, кругов, спиралей; а с другой — целым набором архитектурных форм, в которых прослеживается типологическое представление об идеальном Солнечном Храме (это и антропософский Гетеанум, и «Город Солнца» Кампанеллы, и древний армянский храм Звартноц, но это и просцениум к постановке драмы «Москва», и схема построения фразы Гоголя в книге «Мастерство Гоголя»). «Телесная» подсистема визуализации у Белого представлена, с точки зрения Е.В. Глуховой, различными антропоморфами: от элементов человеческого тела (голова, туловище) до рисунков медитативного характера (например, антропософские «духи форм»). Особое внимание исследовательница уделила лекциям Белого о Блоке, продемонстрировав, с одной

стороны, как «инициатический» антропософский сюжет, развернутый в одной части акварельных рисунков к лекциям, связан с размышлениями Белого о духовном и творческом пути поэта и, с другой, как филологический метод анализа Белым поэтического наследия Блока визуализируется в другой части рисунков.

Д.ф.н. Д.М. Магомедова в докладе «Вагнеровские сюжеты в культуре символизма: “Кольцо нибелунга” vs “Парсифаль”» поставила вопрос о роли вагнеровских мотивов в творчестве «младших» символистов 1900–1910-х гг. Д.М. Магомедова пришла к выводу, что сквозной анализ сюжетной и мотивной структуры художественных текстов А.А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, Эллиса, Э.К. Метнера (Вольфинга) показывает, что для символистов важнейшую роль играли два архетипических сюжета, заданных творчеством Вагнера: тетралогии «Кольцо нибелунга» и оперы-мистерии «Парсифаль». В докладе были выявлены хронология обращений к вагнеровским сюжетам в 1900-е гг., а также логика движения от апологии индивидуализма к осознанию его трагической обреченности («Кольцо нибелунга»), к этике самоотречения и искупления («Парсифаль»), что, по мнению исследовательницы, в значительной степени повторяет вагнеровскую эволюцию как в его жизненном пути, так и в художественном творчестве.

Член-корр. РАН, д.ф.н. А.Л. Топорков обратился в своем докладе «Защиты и заклинания в литературе Серебряного века» к четырем направлениям работы с жанрами магической поэзии, которые можно выделить в русской литературе XIX — начала XX в.: 1) создание особого поэтического жанра зачатий и заклинаний; 2) использование мотивов заговоров в различных поэтических произведениях; 3) включение фольклорных заговоров в тексты прозаических произведений; 4) создание псевдофольклорных стилизаций, которые выдавались за аутентичный магический фольклор. А.Л. Топорков обратил внимание на факт многократного увеличения числа стилизаций в духе заговоров в начале XX в., что было вызвано активным интересом культуры модернизма к маргинальным явлениям в фольклоре. Частным случаем этого общего явления была статья А. Блока «Поэзия заговоров и заклинаний». На примере статьи А.Л. Топорков показал, как заговоры становились предметом эстетической рефлексии писателей. Представления А. Блока о магической природе заумных заговоров становятся частью его размышлений о теургии и магическом воздействии заклинаний.

наний на природу и человека. В вопросе о соотношении заговоров и поэзии особая роль отводится кудесникам и поэтам как творцам магического слова, а идеи телесного преображения человека, идеала действенного слова, единства слова и дела становятся центральными в художественном сознании поэта.

Д.ф.н. О.А. Богданова в докладе «Многоаспектность топики “земли” в литературе конца XIX – первой трети XX вв.: итоги и задачи осмысления» подвела итоги своей трехлетней работы по теме «Модификации культурной константы “земля” в литературе русского модернизма». Исследовательница затронула следующий круг проблем: «Диапазон значений мифологемы “земля” в творчестве Ф.М. Достоевского и их преломление в произведениях модернистов начала XX в.», «Топика “земли” в контексте представлений о русской дворянской усадьбе на рубеже XIX–XX вв. и в первые десятилетия XX в.», «Интермедиальные интерпретации образа “земли” в культуре Серебряного века», «Концепт “земля” в творчестве Ф.М. Достоевского и его интерпретация в литературе о писателе в 1920–1930-е гг.», «Межкультурная трансляция концепта “земля” в первой трети XX в.».

Д.ф.н. А.Г. Гачева в докладе «Образ труда в пролетарской и новокрестьянской поэзии: религиозно-философский контекст» на материале творчества М. Герасимова, В. Кириллова, В. Казина, Н. Клюева, С. Есенина и др. показала, как в литературе модернизма образ труда мифологизируется, обретает планетарный и даже космический масштаб, вырастает в символ новой веры, основополагающей чертой которой является активизм. А.Г. Гачева пришла к выводу, что апофеоз вселенского, преображающего труда, в который включаются не только люди, но и вся тварь, все стихии мира, сближает творчество пролетарских и новокрестьянских поэтов с наследием представителей русского религиозно-философского возрождения конца XIX – начала XX вв. (Н.Ф. Федоров, В.С. Соловьев, С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев и др.), давших религиозное оправдание труду, определявших его как мироустроительную деятельность, противостоящую силам хаоса и небытия.

К.ф.н. М.В. Скороходов представил источниковедческий доклад «Учебная литература в кругу источников поэтических образов и сюжетов», в котором показал, что смысловое поле культуры модернизма во многом формировалось благодаря активно развивавшейся во второй половине

XIX в. отечественной системе образования. Знакомство в годы учебы будущих писателей и деятелей культуры с «вечными» сюжетами и образами во многом определило направления их творческих поисков.

С.А. Никитина сделала доклад на тему «А. Блок как читатель Платона». Исследовательница базировалась на дневниковых записях А.А. Блока, свидетельствующих о значимости идей Платона для поэта. В рамках доклада были проанализированы пометы А. Блока на книге «Платон. Творения» (М., 1899. Т. I / пер. с греч. Вл. Соловьева) и составлен корпус платоновских текстов, которые были известны поэту.

Доклад д.ф.н. В.Б. Зусевой-Озкан «Триптих “Пенфесилея” и образ девы-воительницы в творчестве С.Я. Парнок» связывает этот «вечный» образ в поэзии Парнок с ее отношениями и творческим диалогом с М.И. Цветаевой, для которой воительница была своего рода альтер-эго. Проследившая эволюцию образа, исследовательница устанавливает, что он наиболее часто появляется в стихах Парнок в 1914–1916 гг., т. е. в период тесного общения с Цветаевой, а впоследствии — как его отголоски. В.Б. Зусева-Озкан раскрыла внутреннюю динамику, полемичную и сложную семантику образа девы-воительницы у Парнок.

К.ф.н. О.А. Симонова в докладе «Сюжет о бегстве Агари в русской поэзии первой четверти XX в.» продемонстрировала востребованность заявленного сюжета в литературе модернизма, обратившись к творчеству М.А. Лохвицкой, С.Я. Парнок, М.И. Цветаевой, Е.Г. Полонской, М.И. Шкапской, Е.И. Васильевой. По мнению исследовательницы, для одних авторов ветхозаветный сюжет был самоценен (Полонская, Парнок), другие соотносили с ним истории лирических героинь и девы Марии, манифестируя универсальность ситуации через обращение к архетипу. Большинство поэтов прочитывали образ Агари сквозь христианскую призму: она унижена, гонима, а потому вызывает сочувствие. Интерпретация образа Агари оказывалась включенной в поэтическую картину мира каждой поэтессы: это либо брошенная женщина, либо одинокая мать с ребенком. Таким образом, из сюжета о бегстве Агари извлекались отдельные эпизоды (Агарь, проклиная Сарру, и Агарь, заботящаяся об Измаиле), которые и получали поэтическое развитие.

Е.В. Кузнецова в докладе «Образ-символ “чаши из черепа”: древняя традиция и поэзия Серебряного века» выделила две группы стихотвор-

ных текстов на основании генезиса и функций образа «чаши из черепа»: *историческую и метафорическую*. Первая группа произведений (В. Брюсов, В. Хлебников, С. Есенин, Н. Гумилев) так или иначе связана с темой древней истории Руси и обстоятельствами гибели князя Святослава, из черепа которого печенегии изготовили чашу. Вторая группа текстов (М. Зенкевич, В. Маяковский) характеризуется метафорическим употреблением образа-символа «чаши из черепа» для художественного выражения антитезы «жизнь-смерть» и пограничного состояния лирического героя.

Доклад А.С. Тинниковой был посвящен образу Неопалимой Купины в стихах о войне и революции М.А. Волошина. Исследовательница установила возможные источники заглавия, предложила свою интерпретацию его символического значения и пришла к выводу, что обращение к образу Неопалимой Купины было особенно актуально для М.А. Волошина в период революции, так как с ним связаны мотивы поисков верного пути, стремления к достижению земли обетованной, темы прощения, искупления и ожидания будущего обновления мира через личное преображение каждого отдельного человека, идеи Богочеловечества и Богоматери.

К.ф.н. С.А. Серегина в докладе «Андрей Белый, Николай Клюев и Сергей Есенин: типология мифа в творчестве 1917–1918 гг.» описала структуру и семантику общего для этих поэтов литературного мифа: избранный поэт-теург преодолевает эзотерический путь, постигая тайное знание и приближаясь к идиллическому топосу. В то же время поэт является носителем «идеала бытия» и тайного знания, которое по мере прохождения этапов посвящения только углубляется и в конечном итоге посредством теургического акта должно способствовать воплощению идеала в действительности.

К.ф.н. А.С. Акимова в докладе «Творчество А.Н. Толстого в контексте культуры модернизма: трансформация образов и сюжетов» пришла к выводу, что литературно-эстетические и мировоззренческие искания начала века были восприняты А.Н. Толстым сквозь призму реалистической традиции русской литературы XIX в. и питались воспоминаниями о конкретных людях и событиях, что определило жанровое своеобразие творчества писателя, его тематическое богатство и разнообразие художественных приемов. В докладе рассматривались архивные материалы (ранние рукописные тетради), поэтический сборник «Лирика» (1907) и образы ранних рассказов 1910-х гг.

Е.А. Извозчикова в докладе «Тип героя-авантюриста в прозе А.Н. Толстого 1910-х — 1920-х гг.» проанализировала черты авантюрного жанра в произведениях А.Н. Толстого 1910-х — 1920-х гг. и выявила особенности работы писателя над «вечным» образом авантюриста: от сатирической зарисовки героя в повести «Приключения Растегина» до характера плута, обрисованного исторически, в качестве типичного героя в повести «Похождения Невзорова, или Ибикус».

М.А. Соловьева в докладе «Поэтика названий в “есенинской Библии”» обратилась к циклу революционных поэм Есенина 1917–1918 гг., проясняя символический смысл их названий в контексте церковной литературы и на фоне религиозно-философских поисков самого поэта.

Таким образом, итоговая конференция по проекту «“Вечные” сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма» обозначила широкое научное поле, в котором вели работу участники проекта, а также позволила увидеть творчество главных культуртрегеров русского art nouveau в интертекстуальном пространстве мировой культуры: от религиозной философии и эзотерических практик до мифологических сюжетов и фольклорной образности.